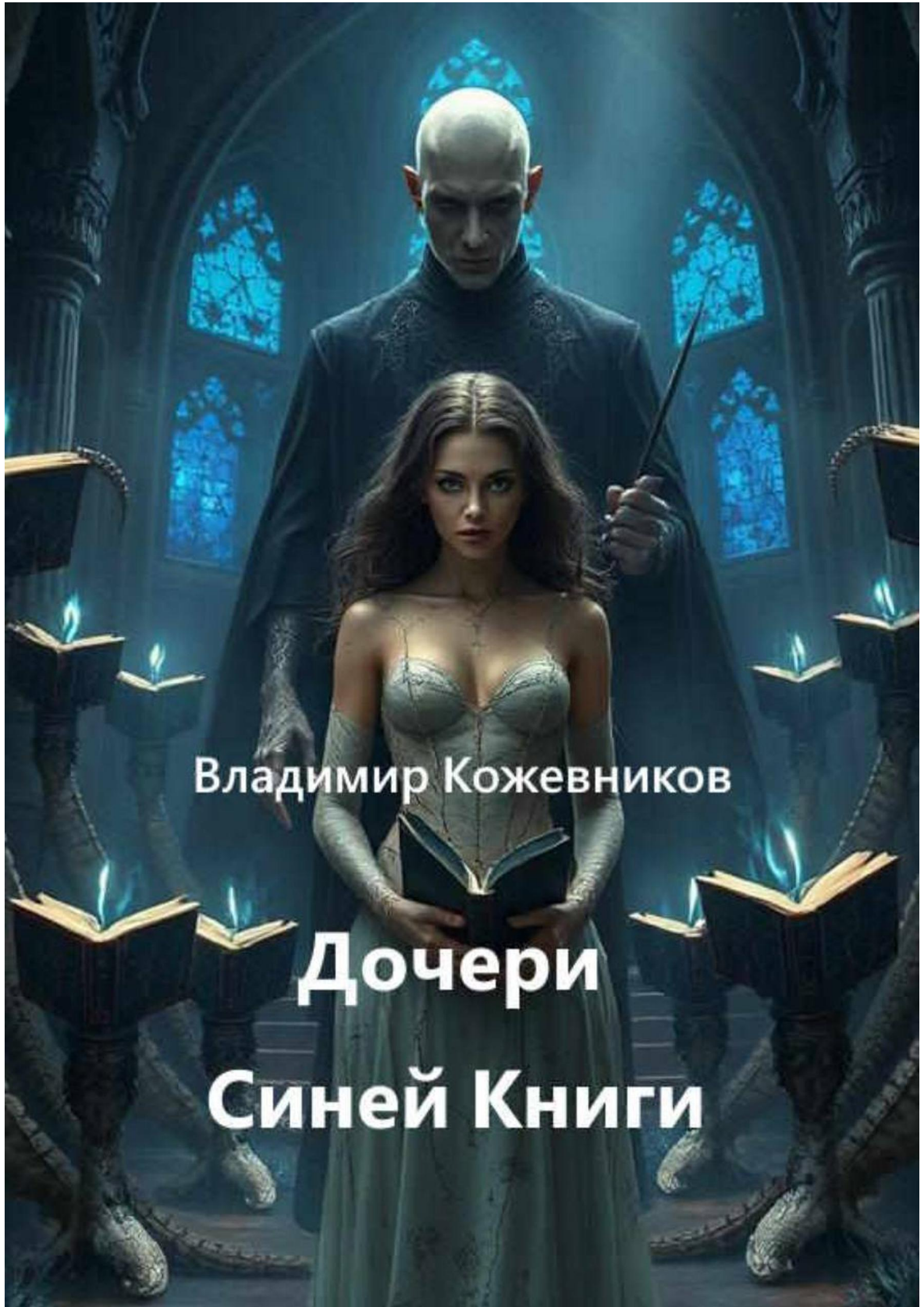

A movie poster for the Russian film 'The Daughter of the Blue Book'. The central figure is a young woman with long, wavy brown hair, wearing a light-colored, strapless corset with lace detailing and a long, flowing skirt. She holds an open book in front of her. Behind her stands a tall, bald man with pale skin and pointed ears, dressed in a dark, high-collared coat. He holds a thin, dark rod or wand in his right hand. The setting is a dark, gothic cathedral with arched windows that glow with a blue light. Several ornate, dark-colored bookshelves or stands are visible, each holding an open book that emits a bright blue flame. The overall atmosphere is mysterious and dramatic.

Владимир Кожевников

**Дочери
Синей Книги**

Владимир Кожевников
Дочери Синей Книги

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Дочери Синей Книги / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Айлин — мастер запретной мнемоники: она умеет выпивать воспоминания из книг и мёртвых. Её нанимает лорд-архивариус Винсент, Хранитель Запретной Секции в Архиве, выращенном из костей спящего под землёй Кракена. Айлин должна каталогизировать пять «синих книг» — фолиантов, переплетённых в человеческую кожу. В них заперты разумы предыдущих жён Винсента, извлечённые в миг абсолютного счастья. Погружаясь в их память, она переживает чужую любовь, страх и страсть к тому, кто даровал им вечность. Но у Айлин есть тайная миссия: она — шпионка Ордена Сожжённых Слов, посланная найти Красную Книгу, где Винсент хранит собственное сердце. Убить его — или навеки остаться рядом с ним? Мрачный ретеллинг «Синей Бороды», где стирается грань между жертвой и палачом, а каждая прочитанная страница приближает героиню к выбору, который изменит судьбу Архива.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зеркало без отражения	5
Глава 2. Отзвуки чужой боли	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Владимир Кожевников

Дочери Синей Книги

Глава 1. Зеркало без отражения

Дождь зарядил с утра — мелкий, настойчивый, как метроном. Алексей стоял у окна съёмной однушки и смотрел, как вода размывает очертания панельки напротив. Вспомнился отец — человек, строивший всю жизнь чёткие планы и размытый под конец алкоголем до полной потери формы. Алексей поклялся не повторить его путь, но уже полгода не видел смысла вставать по утрам. Архитектурное бюро выставило его после провала «Аквамарина» — проекта, в который он вложил душу и который обернулся репутационной ямой. Жена ушла к фитнес-тренеру. Дочь, тринадцатилетняя Вероника, цедила слова сквозь зубы.

Перед выходом он набрал Нику. Долгие гудки. «Абонент временно недоступен». Он сбросил и написал: «Я сегодня иду на терапию. Пожелай мне удачи». Сообщение ушло, но статус «прочитано» так и не зажёгся. Он сунул телефон в карман и вышел под дождь.

Центр «РеФлекс» встретил запахом озона и лаванды. В анкете на графе «Опишите эмоциональное состояние одним словом» он написал: «Пустота». На вопрос «Что вы надеетесь получить?» — «Хотя бы желание просыпаться». И усмехнулся про себя: звучит как заявка на чудо.

Вера Павловна оказалась женщиной с короткой стрижкой и взглядом, который, казалось, видел его насквозь.

— Расскажите о себе, Алексей Викторович. Только честно.

И он рассказал — сбивчиво, пропуская детали, но главное выложил: про «Аквамарин», про ночи над чертежами, про молчание жены, про то, как дочь из хохочущей девочки превратилась в подростка с наушниками. Про коллег, которые перестали брать трубку, а один даже сменил номер.

— Вы чувствуете себя преданным? — спросила Вера Павловна.

— Я чувствую себя пустым. Преданным — это хотя бы эмоция. А тут ноль.

Доктор кивнула и предложила пробное погружение.

В процедурной пахло не лавандой, а чем-то металлическим, как в операционной. Электроды на висках охладили кожу. Мелодия альфа-ритма поплыла откуда-то изнутри.

— Вспомните момент счастья.

Он вспомнил. Парк Горького, Вероника пяти лет, жёлто-красный змей. Запах травы. Смех. И сразу — удар.

Картинка треснула.

Чужой осенний бульвар. Голые платаны. Мокрый асфальт в свете фонарей. Запах прелой листвы и жареных каштанов. Холод проник под одежду, побежал мурашками по спине. Женщина на чугунной скамейке плакала, глядя на воду. Её тоска захлестнула его с головой.

Она обернулась. Лицо — как отражение в ряби.

— Ты тоже это видишь? Тогда найди меня, пока я совсем не исчезла.

Боль. Свет. Реальность ударила по глазам. Алексей сорвал электроды, задышавшись.

— Что это?! Вы говорили — мои воспоминания!

Вера Павловна побледнела, лихорадочно набирая команды.

— Аномалия. Импринт не вашего профиля. Такого не случалось никогда... Разве что... — она запнулась.

— Кто она?

Доктор выдохнула:

— Пациентка, которая отказалась от терапии. Её профиль удалён, но эхо осталось. Мы зовём это «эхом нерождённых дней». Но чтобы оно проявилось у постороннего... — Она покачала головой. — Этого не может быть. Однако случилось.

Алексей смотрел на свои руки. Они дрожали. Лицо женщины стояло перед глазами. Она звала. И он впервые за полгода чувствовал не пустоту, а жгучее желание действовать.

Глава 2. Отзвуки чужой боли

Ночь после сеанса Алексей провёл без сна. Он ворочался на продавленном диване, вставал, пил воду, снова ложился. На полке у изголовья стояла фотография Вероники в рамке — та самая, где ей пять, и она запускает воздушного змея. Алексей взял рамку, провёл пальцем по стеклу. Когда-то этот снимок грел, а теперь жёг напоминанием о том, что он потерял. Перед внутренним взором стояло другое лицо — женщина с осеннего бульвара. Её шёпот «Найди меня» звучал в ушах, как заевшая пластинка. К утру он понял: не успокоится, пока не узнает правду.

В центр он пришёл к самому открытию. Вера Павловна, кажется, ждала его — чай уже был заварен на две чашки.

— Я знала, что вы придёте, Алексей Викторович. Даже удивилась, что не вчера.

— Не мог переварить. Кто она?

Доктор поколебалась, потом достала серую папку.

— Прежде чем я покажу это — то, что вы услышите, врачебная тайна. Пациентки нет в живых, но формально я не имею права. Однако ваш случай исключительный. Возможно, она сама вас выбрала.

Она протянула папку. Фотография: молодая женщина с русым пучком, светло-серыми глазами и кистью в руке. Анна Белозёрова. Художница-иллюстратор.

— Вдова? — удивился Алексей, читая анкету.

— Муж погиб в той же аварии, что и дочь. Он был за рулём, поэтому Анна винила его — и себя, что не уберегла. Двойной груз. Терапия шла тяжело: двенадцать сеансов МР, и каждый — как по лезвию. А потом, после десятого, она вдруг изменилась. Сказала, что нашла способ «сохранить Машу».

— Как сохранить? МР же не воскрешает.

— Я предупреждала её об этом. Но она была художницей. Художники создают миры. Она перестала ходить на сеансы. Через неделю её нашли в мастерской — сердце остановилось. Истощение. Но в буфере системы остались артефакты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.